

Дневникъ А. С. Суворина.

А. С. Суворинъ началъ вести свой дневникъ, случайно паденный большевиками, въ то время, какъ онъ готовился праздновать тридцатилетній юбилей своей богатой литературной дѣятельности. Къ этому моменту, какъ онъ пишетъ въ дневникъ, «я достигъ такихъ результатовъ, о какихъ не мечталъ никогда». Новое Время имѣло, дѣйствительно, успѣхъ совершенно исключительный. Оно, правда, никогда не было «властительнымъ думъ», какъ напр., «Моск. Вѣдомости» или даже «Грѣшанинъ». Напротивъ къ нему прочно пристала кличка «Чего изволите», давшая ему знаменитымъ сатирикомъ. Но влияние газеты было огромное. Страна читала въ самомъ либеральномъ воспроизведеніи «доноса» Трубишкова, напечатаннаго въ «Мировыхъ Отголоскахъ», гдѣ говорится, что «благодаря многостранному заправществу издавать новыя подобныя газеты «Новое Время» завладало кромѣ подписки и розничной продажей въ столицѣ, вслѣдствіе безразличныхъ запрещеній этой продажи другимъ газетамъ, равно продажей газетъ вообще на станціяхъ ж. д. дорогъ, взятыхъ г. Суворинскимъ на аренду. «Новое Время» соизвоило на своихъ страницахъ и публикаціи благодаря запрещенію печатанія публикаций въ Голосѣ и окончательному прекращенію его».

Какой же цѣлой куплены были эти привилегіи? Суворинъ жалуется въ своемъ дневникѣ на «вѣчную исторію»: «считать «Новое Время» оппозицоннымъ и статьи происхожденія правительственнаго.» Онъ здѣсь это отрицаетъ и онъ правъ, но только въ томъ смыслѣ, что въ царской Россіи вообще оппозиція быть не могла. Опредѣ-

ленного правительственнаго курса не было и «вѣдомства» вели между собой подчасъ ожесточенную борьбу. Угодить всѣмъ, отразить ихъ тенденціи было невозможно, но Суворинъ умѣлъ между ними лавировать и охотно всегда служилъ сильнѣйшему. Въ дневникѣ разсыпана масса откровенныхъ указаній на это. Приѣхавъ на коронацію въ Москву, онъ отмѣчаетъ: «надо будетъ писать. А что напишемъ. Я никогда не любилъ отказывать и не умѣю отказывать». Витте просилъ напечатать статью Гурьева, «я далъ согласіе». Гартвигъ просилъ написать статью о министрѣ Ламздорфѣ, «я имѣлъ слабость уступить». «Мы печатали часто... статью, выражавшую мнѣніе министерства ин. дѣлъ». Горемыкинъ онъ обѣщаетъ «прислать статью Розанова (которому заказано объ университетскихъ безпорядкахъ) въ корректуру». Послѣ убійства Сипягина официальный редакторъ спрашивается у начальника г. упр. позволенія по дѣламъ печати, можно ли писать, и пишетъ, получивъ на это разрѣшеніе. И если въ общемъ вѣрно, что по своему характеру Суворинъ не любилъ и не умѣлъ отказывать, то изъ дневника видно, что онъ умѣлъ и компенсировать свою угодливость. Такъ давъ Витте согласіе на напечатаніе казенной статьи, онъ тутъ же устроилъ дѣльце съ объявленіями.

Отмѣчая уже борьбу вѣдомствъ имѣла для Нов. Времени еще и другія страшныя послѣдствія. Съ одной стороны, какъ Суворинъ констатируетъ, «спердѣ Нов. Времени» нѣрѣдко преклоняются и учрежденія высшаго порядка, заискивая расположеніе къ себѣ издателя «Н. Вр.», а съ другой стороны, когда Сипягинъ вызывалъ къ себѣ Суворина, онъ «не смалъ всю ночь». Въ соотвѣтствіи съ этимъ двойственнымъ положеніемъ «Н. Вр.» стояло и отношеніе къ нему общественнаго мнѣнія. Газета имѣла большое влияние, но

ее презирали и въ тѣхъ кругахъ, которые влиянію ея подчинялись. Такъ когда основателемъ былъ «Свѣ. Курьеръ», то ходили упорные слухи, будто Суворинъ далъ деньги на его изданіе для того, чтобы конкурировать съ имѣвшимъ успѣхъ «Россіей» Амфитеатрова и Дорошевича. Точно также, когда Амфитеатровъ написалъ въ упомянутой «Россіи» свой знаменитый фельетонъ Господа Обмаловы, представлявшей намфлетъ на Романовыхъ, и газета была закрыта, то распространился слухъ, что Суворинъ заплатилъ Амфитеатрову, чтобы тотъ написалъ фельетонъ и такимъ образомъ устранилъ конкуренцію для «Н. Вр.» Въ эти слухи доходило до самого Суворина и одъ ихъ неизмѣнно отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, безъ особаго возмущенія, оспаривая ихъ главнымъ образомъ съ дѣловой точки зрѣнія.

II

Угождая властямъ предержащимъ, Суворинъ отлично понималъ, что онъ дѣлаетъ и здѣсь кроется источникъ его трагедіи. Дневникъ переполненъ рѣзкими замѣчаніями о правительствѣ и самодержавіи. Горемыкинъ — «низкій онъ человекъ». «Пока Горемыкинъ въ министрахъ, будетъ готовиться революціонное движеніе». Сипягинъ — «продуктъ полного вырожденія». У Бобржкова въ Финляндіи никакого слѣду нѣтъ, потому что русскому администратору плохо въ городѣ, гдѣ привыкли къ законности. «На Святой», читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ дневника, министръ п. с. кн. Хилковъ сказалъ мнѣ: Витте всѣхъ насъ презираетъ, ибо знаетъ, что всякаго изъ насъ можно купить. Онъ сказалъ мнѣ на дняхъ, указывая на одного министра, который только что вышелъ отъ него. «Вотъ мерзавецъ. Я для него столько сдѣлалъ, а ему все мало». Но намекая Хилкова можно думать, что дѣлошло о Сипя-

гинѣ. Послѣ Холмской катастрофы, ознаменовавшейся со слѣдствіемъ производствомъ, Суворинъ записываетъ, что «начальство является по истинѣ презрѣннымъ, достойнымъ народной расправы. Оно и въ высшихъ и низшихъ своихъ представителяхъ являлось ничтожнымъ и дряннымъ». И поставивъ себѣ вопросъ, «есть ли у правительства друзья, Суворинъ отвѣчаетъ на него риторическимъ вопросомъ: «какіе же могутъ быть друзья у дураковъ и олуховъ, у грабителей и воровъ».

Такихъ замѣчаній разсыпано въ дневникѣ множество и онъ дополняются уже цитированными у насъ выдержками о безудержномъ и беззастѣнчивомъ взяточничествѣ не только бюрократовъ, но и великихъ князей. Такіе факты Суворинъ какъ то афористично смалуетъ и во всѣхъ подробностяхъ предастъ ихъ. Естественно, поэтому, что передъ талантливымъ, прозорливымъ публицистомъ не могъ не встать во весь ростъ вопросъ о системѣ правленія вообще, о самодержавіи. На этотъ вопросъ Суворинъ въ дневникѣ отвѣчаетъ съ рѣзкою опрелѣленностью. «Нѣтъ ничего лучше самодержавія, пропихивающаго онъ, ибо оно воспитываетъ пѣльный улей правды и ни для чего не пужныхъ людей, которые находятъ себѣ дѣло. Эти люди нѣтъ привилегированныхъ сословій и самая существенная часть привилегій ихъ заключается въ томъ, чтобы ничего не имѣть въ головѣ, быть головой палы многихъ. Каждый изъ насъ, работающій подъ этимъ режимомъ, не можетъ не быть испорченнымъ, ибо только въ рѣдкія минуты можно быть искреннимъ». Въ 1904 году случился такой анекдотъ, что въ субсидируемой русскимъ правительствомъ «Review Russe» перепечатана была статья «Московскіи Вѣдомостей» о самодержавіи, а почтовая цензура замарала эту статью при пересылкѣ журнала въ Россію. По этому по-

воду Суворинъ раздражается злобной тирадой: «почтовому чиновнику, очевидно, длинной показалась статья о самодержавии на французскомъ языкѣ. Только еще русский языкъ выдерживаетъ статьи о самодержавии. Отъ нихъ тошнить на всякомъ другомъ языкѣ». Онъ не падаетъ на своемъ языкѣ и самизъ самодержавцевъ и воспроизводитъ прочитаннымъ имъ въ дневникѣ известнаго профессора Лямбова слова объ Александрѣ III. Этого императора такъ мотивировать свое отношеніе къ конституціи: «Конституція? Чтобы русский царь присягалъ какому-то скотамъ». Въ отвѣтъ на заявленіе Гурко, будто войска радуются еврейскимъ погромамъ — Александръ сказалъ: «А знаете, признаюсь, и я радъ, когда евреи бьются». Точно также не преминулъ Суворинъ записать выразительный отзывъ П. Дурново о послѣднемъ императорѣ: «это будетъ слабосильный деспотъ».

Суворинъ отлично понимаетъ, что такая система долго держаться не можетъ. «Мы подошли къ стѣнѣ». «Совсѣмъ не мало бури, чтобы онъ (режимъ) повалился. Обмыслованный вѣтеръ его повалитъ». Хорошо ли это или дурно?

«Нужно ли Россіи самодержавіе? Нѣтъ. — Глупости говорить, что мы не созданы для парламентаризма. Напротивъ, созрѣли совершенно, и сорвать для этого нечего». «Не нахожу, что парламентаризмъ плохая вещь».

III.

Такъ думалъ Суворинъ отказавъ «Новое Время» въ безраздѣльное служеніе тому режиму, который онъ такъ презиралъ и гibelъ котораго была для него, какъ мы видѣли, сомнительна, невозможна. Естественно поэтому, что онъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Вспоминая о своей молодости, когда ему приходилось вести такую борьбу за свое существованіе и про-

биваться только «при помощи своего незауряднаго дарованія», онъ съ горечью восклицаетъ: «Делитъ и богатство портить людей, особенно тѣхъ, которые должны быть независимы по самой своей профессіи, какъ напр. журналисты». Этой общей сентенціи противопоставляется печальное признаніе: «я только мѣшаю съ деньгами и ничего больше». — Конституция, какъ мы видѣли выше, что онъ достигъ результатовъ, какихъ не ожидалъ, Суворинъ свидѣтельствуеетъ перелъ самимъ собою, что «чувствую себя глубоко несчастнымъ съ тѣми противорѣчіями, которыя чувствую и которыя отогнать не могу». Его газета ему самому глубоко противна. На разные лады онъ повторяетъ, что «Новое Время» дрябно и безцѣльно узасно, что «оно разваливается», что такъ сплошныя бездарности. «Газета меня угнетаетъ». Празднованіе 25-лѣтняго юбилея (сопровождавшееся скандалами и прошедшее подъ охраной полиціи) заставляетъ его сказать, что «юбилей-решетія похоронъ». Отъ газеты онъ пытается уйти въ театръ, который однако доставляетъ ему одинъ огорченія. Ему хочется, и онъ чувствуетъ, что нужно бросить театръ. Но «мнѣ страшно подумать, что отказавшись (отъ театра) я снова долженъ сидѣть вечера дома и заниматься чуждыми сутяжничествами».

Окруженный лестью и заискиваніемъ, старательно отмѣчая доходяшіе до него слухи о томъ, что царь или тотъ или другой сильный міра сего хвалитъ его статьи, Суворинъ чувствуетъ себя безнадежно одинокимъ, всѣмъ брошеннымъ. «Вся жизнь потрачена на трудъ, и въ старости, когда смотришь въ могилу, нѣтъ никого, кто принималъ бы сердечное участіе, кто берегъ бы». Эта нота составляетъ лейтъ мотивъ всего дневника. Его ближайшіе сотрудники, къ которымъ онъ относился, повидимому, въ большой сердечности, отъ него

отворачиваются, а многіе платятъ ему черную неблагодарность». Въ 1899 году появилась въ «Новомъ Времени» статья Суворина по поводу студенческихъ безпорядковъ, возмущавшая общественное мнѣніе и возбуждавшая рѣзкую отповѣдь въ напечатанной въ «Правдѣ» статьѣ К. Арсеньева. Посыпались заявленія въ газету, чтобы отказать отъ полученія «Новаго Времени» и на защиту Суворина встало главное управленіе по дѣламъ печати, которое запретило газетамъ печатать эти отказы. На Суворина этотъ протестъ общественнаго возмущенія произвелъ потрясающее впечатлѣніе, онъ совершенно растерялся. «Я никогда такъ не волновался. Этотъ мѣсяцъ, прожитый мною, равняется годамъ. Мнѣ казалось, что все противъ меня и что я гибну». «Сколько-разъ я плакалъ у себя въ комнатѣ и въ спальнѣ».

Вскорѣ послѣ этой части сотрудниковъ «Новаго Времени» вышла изъ состава редакціи, чтобы вмѣстѣ съ Дорошевичемъ издавать газету «Россія», а еще нѣсколькими годами позже въ 1903 году тяжкій ударъ былъ нанесенъ Суворину его собственнымъ сыномъ, который за снѣжкой отъ дѣла прігласенія къ наденію своей газеты и сманивалъ сотрудниковъ «Новаго Времени». На старости лѣтъ Суворину приходится записывать: «Сегодня узналъ, что Леля надуваетъ свою газету... Я слышалъ для него все что могъ. Я пошелъ на все уступки, но не могъ пойти на послѣднее унизаніе. Чтобы я не смѣлъ никому изъ сотрудниковъ выражать свое мнѣніе объ ихъ статьяхъ, но сообщалъ это только ему».

IV.

Создавъ вокругъ себя такую удручающую атмосферу и вращаясь постоянно среди людей которымъ онъ имѣлъ все основанія не довѣрять, Суворинъ вообще утратилъ способность видѣть въ человѣкѣ что

либо хорошее. Не будучи ошибкой сказать, что на протяженіи всего тома дневника нѣтъ ни о комъ ни одного добраго слова. Единственное исключеніе составляетъ А. П. Чеховъ, къ которому Суворинъ питалъ дѣйствительныя симпатіи и за дружбу котораго жалко цѣплялся, именно потому, что чувствовалъ себя заброшеннымъ, никому и ничему ненужнымъ. Но кромѣ Чехова онъ никому не вѣритъ, никому не дорожитъ. Какъ предательски выдаетъ его такая запись: «не будь дѣтства, рѣзкая дѣвушка не соблазнилась бы, теперь все такъ страшно удерживается». Если не будучи стража, она, станетъ воздерживаться». Страхъ это вообще главный элементъ его психологіи. «Въ наше время мало много смѣлости, а главное, денегъ чтобы говорить правду. Но у кого много денегъ, тѣ совсѣмъ перестаютъ говорить правду и начинаютъ говорить ложь».

И какъ онъ въ душѣ восторгается революціей: Мнѣ жаль затравленнаго звѣря... Смѣлость сознавшей свою силу и отъгну задорной юности, наглость реакціи, наглость торжествующей старострастной, импозантной, похотливой энергіи старости».

Чувствуя себя столь несчастнымъ и одинокимъ Суворинъ все же очень боялся смерти и съ безпрѣлѣльной тоской отмѣчалъ угасшіе годы, сожалѣя о томъ, что мало осталось жить. Каждая смерть, каждая панихида неотступно наводила его на мысль, какъ его самого «понасутъ, какъ поставить въ церковь, какъ опустить гробъ, какъ засунуть въ землю о крышку гроба». Страшно ему умереть, но и жить тяжело, ибо въ душѣ его совершенно пусто и все, что можетъ сорвать сердце, осталось въ далекомъ, далекомъ прошломъ, о которомъ несчастный старикъ не дѣло вспоминаетъ съ острой тоской.

И. В. Гессенъ.